

Михаил Позняк

Зимняя сказка

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Позняк
Зимняя сказка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Позняк М. В.

Зимняя сказка / М. В. Позняк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга должна была стать третьей в серии «Волк и Призрак». Март 1976 года. Медиум Эдик, спасенный своим другом из ловушки в выселенном доме, выписывается из госпиталя, он фактически здоров. Но он надломлен и винит во всем себя, ибо именно он купил в тот летний день проклятую Книгу. Врач рекомендует еще один месяц в спокойной обстановке. Эдик уезжает на дачу в Подмоскowie, где живет одинокий старик, друг его покойного дедушки. Тишина, стройные сосны, снег на ветвях. Можно гулять, кататься на лыжах или просто отдыхать, набираясь сил. Он не знает, что уже следующие сутки круто изменят его жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

«Канделябры тяжёлые свет свой льют,
Безжизненно тянутся отсветы свечей,
И в зал, в этот страшный призрачный приют
Привиденья выходят из зеркальных зыбей...

Кто в тебе тяжёлые двери распахнёт?
Кто воскресит нерассказанность мечты?
Кто снимет с нас этот мучительный гнёт?
Мы только отражения зеркальной пустоты».
К. Бальмонт

Пролог

Старый дачный поселок был завален снегом чуть не до самого верха кустов, отделявших дорогу от заборов из штакетника. Периодически улицы чистил заезжий грейдер, но и тот всего лишь сдвигал снег к краям дороги, нагребая к концу зимы высокие снежные валы. Было тихо, лишь где-то меж усыпанных снегом сосен каркала одинокая ворона. Поселок спал в ожидании весны, когда распахнутся, впуская теплый ветерок двери и окна, а участки заполнятся веселыми оживленными людьми, спешащими к своим весенним заботам. А сейчас дымок курился всего лишь из нескольких труб тех редких домов, вокруг которых были расчищены дорожки и наблюдались признаки жизни. Зимой тут оставались в основном люди старшего поколения, уставшие от шумного города и предпочитавшие теперь жить среди заснеженных сосен и зимней тишины.

Смеркалось. На высоких деревянных столбах начали загораться тусклые лампочки под жестяными колпаками. Издалека донесся и исчез шум промчавшейся электрички. За поворотом улицы заскрипел снег под чьими-то шагами, и оттуда вырулили два молодых человека в телогрейках и потертых шапках. Идущий впереди, более худой и жилистый, убежденно доказывал своему другу:

– Вот подумай, Андрюха! В то время, когда мы, рабочий класс, горбимся всю жизнь на заводах и фабриках, эти буржуи на своих верандах лишь чай гоняют с шоколадовыми тортами! Ты, видал, что понастроили? Развелось кругом куркулей, аж плюнуть некуда!

В доказательство своей речи он сделал широкий жест рукой, указывая на добротню построенные дачи, выстроившиеся как на подбор на этой улице. На лице его отражалось искреннее негодование увиденной им картиной. Явная несправедливость призывала к свершениям.

Невысокий и толстый Андрюха с трудом успевал и физически и мысленно за разогнавшимся другом. С чего это известный хулиган и бездельник Петя Солодкин вдруг причислил себя к рабочему классу, он откровенно не догонял, хотя и был готов принять на веру. Ну не этот же, как его, интеллигент он все-таки...

– Ты вот сюда посмотри! – продолжал Петя, – Хоромы какие! Дворец настоящий! У тебя такой когда-нибудь будет, заработаешь на заводе своем? Нет! И у меня – тоже нет! Потому, что хозяин все это – наворовал! Значит – что?

– Значит – что? – переспросил Андрюха, недоуменно разглядывая крашенную в синий цвет двухэтажную дачку с двумя большими лоджиями наверху.

– Значит, мы должны перераспределить награбленное в свою пользу! Это еще Ленин говорил, во!

– Ты чё, хочешь, чтобы мы дачу обнесли? – Андрюха наконец-то понял, к чему клонит друг, – Там же капитан дальнего плавания живет, я его знаю! Какой же он куркуль?

– А кто он еще? Стоит себе в белой фуражке, да командует: «Право руля! Лево руля!» Вот и все заботы! А за него все матросы делают. Капитан...

Петя изобразил презрительный жест, сперва повертев большим пальцем у виска, а затем прижав ладонь ко лбу, уставившись вдаль с идиотским выражением на лице.

– Ну, не совсем так...

В отличие от друга, Андрюха книги все же читал, а уж морскими приключениями Виктора Конецкого – просто зачитывался, вследствие чего о работе на судне какое-то представление все же имел. Лезть в чью-то дачу, а уж тем более – капитана, ему не хотелось совсем. Вот только как объяснить это Петьке, у которого запавшая в дурную голову мысль застревала там намертво?

– Да ты не ссы, кореш, прорвемся! – захохотал Петя, хлопая друга по плечу, – Залезем – никто и не узнает, они раньше мая тут все равно не появятся! Или ты мне не друг? А?

– А как мы полезем, у нас же нет ничего? – попытался возразить Андрюха.

– От бати в сарае инструмент остался, чё-нить подберу!

– Эээ... Мне завтра в смену работать! – сделал последнюю попытку толстяк.

– Подумаешь! Значит, послезавтра пойдем, как стемнеет. И вообще, хорош мне тут горбатого лепить! Ты пацан или девка? Вот и всё!

Петя повернулся и пошел по улице дальше. Андрюха потрусил за ним следом. Его терзали крайне нехорошие предчувствия, но сказать об этом он не мог, дабы не показаться перед другом трусливым чмошником. С другой стороны, сколько пацаны по дачам ни лазили, никому за это ничего не было. Ну, участковый дядя Толя наорет, да отец затрещину отпишет, делов-то куча. Вот так, и не хочется даже, а что делать, что делать...

Глава 1

Еловая лапа за окном с белым языком снега на ней выглядела совсем по-новогоднему, не хватало лишь красных шаров, да веселых снегирей, несущих в клювах полотнище с поздравлением. Эдик даже залюбовался ей, на какое-то мгновение забыв, что смотрит на красавицу-ель из окна кабинета врача, в котором собрался целый консилиум в его честь. Да и от самого праздника его отделяло уже два неизвестно как пролетевших месяца. Хотя, почему – неизвестно? Очень даже известно. Это только в первые сутки, когда неизвестно как прорвавшийся Серега вырвал его из застывшего навсегда дня тридцать-какого-то года, словно морковку из грядки, он чувствовал себя словно проваливающимся в липкую паутину кошмарного сна. А потом была комната в научном центре, изолированная от всего на свете, и усталый не выспавшийся Мстислав Валентинович в белом халате, на ходу придумывающий методики, способные вернуть его к нормальной человеческой жизни. Он и потом часто навещал Эдика, которого перевели в январе уже просто в госпиталь, под присмотр врачей. Эдик повернулся и посмотрел на ученого, который уже заканчивал свою речь:

– В общем, если выразаться образно, то в результате проведенного над собой эксперимента Эдуард Борисович приобрел чувствительность к тем воздействиям, от которых человеческий организм обычно защищен. Можно сказать, как телевизор, начавший принимать сигналы от систем радиоуправления, или радара, например... – Мстислав Валентинович посмотрел на отца Эдика, тот в ответ понимающе кивнул, – Это же привело и к дополнительной проблеме, в конце концов и произошедшей. Обычно человек воспринимает время линейно, подобно течению реки, и всевозможные водовороты в нем ему просто не ведомы. Единицам же, это удавалось, по своей воле или нет, что рождало потом многочисленные легенды о зачарованной стране фей или каком-нибудь спящем воинстве короля Артура. Так и Эдуард, сделав лишний шаг в сторону, оказался в крохотной заводи, где вращался кусочек времени. Совсем небольшой кусочек, меньше суток.

– Но он больше не будет попадать в такие места? – переспросил Борис Львович, отец Эдика.

– Физически – нет. Он же разумный человек.

– Эээ... Я не совсем понял...

– Способность взаимодействовать с паранормальными явлениями у Эдуарда осталась, это уже неотъемлемое свойство, – объяснил ученый, – Но это уже как он сам захочет.

– Не очень хочу. То есть – совсем не хочу! – буркнул Эдик.

– Жаль! – немного разочаровано покачал головой Мстислав Валентинович, – У нас было бы, что вам предложить.

– Прошу меня простить, но вы немного торопите события, – возразил хозяин кабинета профессор Белявский, – Когда я сказал, что Эдуард Борисович здоров, я вовсе не предлагал сходу нагружать его тяжелой работой, а уж тем более – тяжелой психологически. Вы же не хотите, чтобы все закончилось новым срывом? Вот и не стоит!

– Что же вы рекомендуете ему в таком случае?

– Я настоятельно рекомендую месяц – слышите, месяц постепенного возвращения к активной жизни в условиях санатория или какого-либо другого спокойного места. И только после этого можно будет вернуться к вопросу о дальнейшей занятости Эдуарда Борисовича!

– Как скажете... – Эдик устал, и обсуждение его здоровья ему уже изрядно надоело.

Поскольку никто не возражал, консилиум сочли оконченным, и все задвигали стульями, вставая, и прощаясь друг с другом.

Эдик с отцом вышли в коридор, где уже давно подпирали стену поджидавший их Сергей Волков.

– Ну, что решили? Здоров? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Предложили месяц побездельничать, пока обратно к людям не привыкну! – ответил Эдик, – То бишь, хранить в темном и прохладном месте. Не кантовать, на маневрах не толкать...

– Я мог бы достать тебе путевку в Софрино, сынок! – предложил Борис Львович.

– Спасибо конечно, только там народу полно будет, мне это сейчас как-то не очень... – сморщился тот.

– А если дача? – спросил Сергей, – Зимняя дача, типа той, где я за призраком профессора бегал. Правда, хозяева сейчас там не живут, но я могу попросить ключи.

– Может, как-нибудь без призраков на этот раз, а? – тоскливо произнес Эдик, глядя в окно.

– Я что-нибудь придумаю! – твердо сказал Борис Львович.

Вернувшись в палату, Эдик сел на кровать и уставился в пол. Тускло, грустно. Надо возвращаться к жизни, да как это сделать, если она больше не приносит никакой радости? Первый шок, когда Серега вытащил его обратно в реальный мир, сменился горьким осознанием того, что виноват во всем именно он. Именно он, спасаясь от страшного ливня, забежал в тот проклятый день в открытую дверь магазина «Букинист» и наткнулся на эту чертову книгу. Пусть ему уже не снились сны, в которых он завязал как комар в янтаре во всё новых неприятных местах, депрессия никуда не делась. Он ничего не мог с этим поделать, хотя ему было страшно неудобно перед Серегой, который рисковал жизнью, чтобы найти способ его вытащить.

Эдик протянул руку к тумбочке, где стоял принесенный другом портативный магнитофон «Электроника-302» с целой стопкой кассет, не глядя нащупал круглые лопухи наушников «ТДС-1», нацепил их на голову и нажал на кнопку «пуск».

«So, so you think, you can tell -

Heaven from Hell, blue skies from pain.

Can you tell a green field

From a cold steel rail?

A smile from a veil?

Do you think, you can tell...»

Да, теперь он смог бы различить, где небеса, а где ад, не говоря уже про боль. Только какое это имеет значение теперь? Теперь, когда неутомимое любопытство веселого шалопая сделало его потерявшим вкус к жизни медиумом, навсегда остающимся на границе двух миров, или сколько уж их там есть...

«And did they get you to trade

Your heroes for ghosts?

Hot ashes for trees?

Hot air for a cool breeze?

Cold comfort for chains?

And did you exchange

A walk on part in the war for a lead role in a cage?»

Вот именно на призраков он своих друзей и променял, как верно поет сейчас Гилмор. Проклятых призраков, которых он всех скопом отдал бы обратно. Веселый выдумщик Гарик, милые сестры Лена и Таня, задумчивый Ринат... Больше вас здесь нет.

«Wish you were here...»

– Альтшулер, ты где? Тебя к телефону! – послышался звонкий девичий голос, пробившийся даже сквозь «Пинк Флойд», и в двери появилась круглая мордашка медсестры Катьки, – Опять грустишь? Ну, улыбнись!

– Хорошо! – грустно улыбнувшись веселой, всегда носящейся по отделению как ураган девушке, Эдик вышел в коридор, подошел к посту и поднял ждущую его трубку: – Алло?

– Эдик, это папа! – донесся до него голос Бориса Львовича, – Ты слышишь меня? Я созвонился с профессором Даниловым, он с твоим дедушкой еще до войны дружил. Помнишь его? Мы как-то с тобой и с мамой ездили к нему в гости, ты еще маленький был? Дед Володя?

– Ну да... Кажется, помню... – неуверенно ответил Эдик, пытаясь понять, куда клонит отец.

Крепкий мужчина с начинающей седеть бородкой и внимательными серыми глазами, который легко приподнял маленького Эдика и повертел, разглядывая со всех сторон: «Надо же, как на Осю похож!» – кажется, это он и есть...

– Ну, вспомнил? Они с твоим дедушкой над одной проблемой работали, только Иосиф Давидович в Ленинграде, а Владимир Иванович – в Москве. Твоя мама рассказывала не раз... Ну, в общем, я не об этом. Он сейчас живет и работает на даче, один, и будет рад тебя видеть. Там тихо, спокойно, поживешь недельку-другую, заодно старику поможешь. А?

Эдик представил себе заснеженную улицу, заборы, деревья. Свисающие с крыш сосульки, скрип снега под ногами, белого и чистого, какого не бывает в городе...

– Хорошо, папа! Когда мне ехать?

– Да прямо сейчас, что тебе там в госпитале скучать? Сережа сказал, что скоро заедет на машине и отвезет тебя!

– Понятно. Ладно, буду собираться. Спасибо, папа. Я понял. Пока!

Эдик положил трубку на аппарат и немного растерянно уставился на пустующий сейчас стул старшей медсестры. Надо какое-то заявление писать, или что? За всю свою жизнь он успел до этого побывать лишь в детской Филатовской больнице с какой-то болячкой в носу, да и то воспоминания об этом были весьма смутные.

– Выписываешься уже? – подошедшая Катька смотрела на него определенно с какой-то грустью.

– Ты хочешь, чтобы я остался тут навсегда? – не понял Эдик.

– Нет, да я не об этом совсем! – смутилась девушка.

Печальный романтично-бледный Эдик, с которым была связана какая-то удивительная история, вызывал у нее немалый интерес. Тут все пациенты были непростые, но этот... Она крутилась возле него и так и этак, а он даже толком не поговорил с ней ни разу! И нет, чтобы она была дурнушкой какой, все парни на нее заглядываются! А Эдик скажет ей пару слов, да снова в себя уйдет, ну что с ней не так? Чтобы отвлечься от этих мыслей, Катя принялась пересчитывать подотчетные лекарства, да так увлеклась, что очнулась лишь, когда за таинственным Эдиком приехал его шумный друг, с его вечными подколками и шуточками. Вот и уехал. Не поговорили.

Светло-зеленые Жигули третьей модели поглощали километр за километром Егорьевского шоссе. За заснеженными обочинами мелькали заборы, заводы, автобазы, все это перемежалось соснами и крышами домов дачных поселков. Немного постояли на переезде в Томилино, спустились в долину незамерзающей Пехорки и поднялись обратно, затем взяли левее на развилке у монумента в Красково.

– Подожди, а нам не туда? – зашелестел нарисованной от руки картой Эдик, заметивший оставленный справа указатель «Малаховка».

– Не, я знаю, куда ехать! – отмахнулся Сергей, – Это примерно там же, где я той осенью с пропавшим профессором разбирался. Соседний поселок, можно сказать.

Машина проехала кусок дороги совсем городского вида, с высокими домами и универсамом, миновала развилку и оказалась снова среди дачного Подмосковья

– А теперь? – Эдик вертел головой, разглядывая потянувшееся с одной стороны кладбище и еще один поворот на Малаховку с другой стороны.

– А вот теперь давай поворот высматривать. Что там у тебя написано? – на лице Сергея читалось, что уверенности в нем поубавилось, – Зимой тут все как-то по-другому выглядит...

Эдик уставился в карту, уже не слишком хорошо читаемую в наступающих зимних сумерках, затем попробовал включить свет в салоне, но ничего не вышло. Он еще раз пощелкал выключателем, но свет не зажегся.

– Это специально, чтобы наблюдателей в машине не засветить, что ли? – недоуменно спросил он.

– Это просто машина заезженная, и в ней лампочка перегорела! – недовольно ответил Сергей, – Всмотрел что-нибудь?

– Кажется, сюда! – Эдик неуверенно ткнул пальцем направо, где перед автобусной остановкой уходила вглубь поселка широкая улица.

Правда, с другой стороны был какой-то завод с низменной надписью «Слава КПСС» над ним, а на плане, выданном отцом, все было не так, но...

Но Сергей уже свернул, и теперь машина ехала, переваливаясь сбоку на бок, по дачному поселку. С некоторым беспокойством то разглядывающий окрестные дачи, то снова утыкающийся в план Эдик наконец не выдержал.

– Тормозни здесь! – попросил он.

Выйдя из машины и чуть не намернувшись на льду возле коричневой ржавой колонки, Эдик добрался до прибитой к забору таблички с названием улицы: «Карла Либкнехта». Во как...

– Похоже, мы рано свернули! – признал он, вернувшись в машину.

– Значит, свернем еще раз! – оптимистично заявил Сергей.

Пробуксовав на снегу, машина тронулась снова, углубляясь в лабиринт тихих заснеженных улиц. Цель была явно где-то рядом, оставалось лишь ее найти...

– Жаль, что я карту на работе не взял, там все улицы подробно указаны, – пробормотал разглядывающий очередной перекресток Сергей, – Мигом бы нашли.

– Ничего, нам и папиного плана хватит! – не слишком уверенно ответил Эдик, – Сейчас только посмотрю, где мы находимся...

Он снова вылез из машины и заозирался, пытаясь обнаружить таблички. А, вон одна есть... Эдик подошел поближе, пытаясь разглядеть выцветшие буквы: «Стал...» Неужели – Сталина? Содрогнувшись, он обернулся, боясь не увидеть ни машины, ни Серёги в ней, а только пустую улицу какого-нибудь довоенного года. Нет, вот они – Жигули, и друг его оттуда выглядывает. Тогда – что? Протолкнувшись сквозь сугроб, он смел рукой снег, залепивший табличку. «ул. Стальского». Чего?

– Ну, что там? – окликнул его потерявший терпение Сергей.

– Какого-то Стальского! – растерянно ответил Эдик, – Мне стыдно, но я не знаю, кто это.

– А нам кто нужен?

– Нам просек нужен. Березовый.

– Просек? Может – просека?

– Нет, папа именно так написал!

Пожав плечами, Сергей вывернул руль, сворачивая на безымянную улицу. Ну, просек – так просек, раз даже какого-то неизвестного Стальского тут улица нашлась... Проехав до следующего перекрестка, он выглянул сам, всматриваясь в название, после чего радостно заявил отчего-то притихшему другу:

– Слышь, Сусанин! Похоже, это твой Березовый просек и есть!

Найти нужный дом оказалось несложно – он был единственный во всем квартале, где горел свет, и была расчищена дорожка к калитке. Остановив Жигули посреди улицы, ибо на заваленную снегом обочину он заезжать не рискнул, Сергей пару раз бибикнул и полез из машины высматривать хозяина дачи. Где-то за забором басовито гавкнула собака. На крыльце зажегся свет, хлопнула дверь, и на улицу вышел крепкий бородатый старик в телогрейке и валенках, с улыбкой приглядывающийся к подъехавшей машине. Правда, при виде Сергея его лицо приняло несколько озадаченное выражение – Владимир Иванович явно представлял Эдика совсем другим и не мог понять, как внук его старого друга мог настолько измениться. Тут он заметил вылезавшего с другой стороны Эдика и расхохотался, поняв свою ошибку.

– Проходите, ребята! – добродушно приветствовал он гостей, распахивая калитку, – Эдик, какой ты взрослый, оказывается! А это твой друг Серёжа? Ну да, Боря мне говорил... Что же вы стоите? Идемте, чаю вам налью...

Тронувшийся было вслед за Эдиком Сергей вдруг остановился, хлопнул себя по лбу и вернулся к машине. Открыв багажник, он выудил оттуда большую клеенчатую сумку:

– А гостинцы – то!

– Куда так много? – всполошился Владимир Иванович, впечатленный размером сумки, – У меня все есть, я говорил везти, только если Эдик что-то особенное любит...

– Ничего, он только с виду тощий, а наворотить на самом деле не промах! – ухмыльнулся Сергей, затаскивая сумку в дом, – Может, и не хватит еще, подвозить придется!

– Да шутит он, шутит! – объяснил Эдик, видя недоумение старика.

– Крупы, макароны, кофе растворимый, чай индийский со слонем, консервы какие-то, это Борис Львович положил... Ага, тушенка и рыба. Сыр «Советский». А вот кольцо колбасы краковской... – комментировал Сергей, выкладывая продукты на стол, – Надо было наверно картошки купить по дороге, но это еще не поздно съездить.

– Картошки – точно не надо, у меня ее целый погреб! – возразил хозяин, – Тут поля недалеко, я всегда по осени покупаю столько, чтобы на всю зиму хватило.

– Тогда я за вас с Эдиком спокоен! – улыбнулся Сергей.

Потом они пили чай с твердым кусковым сахаром и местной малаховской халвой, а за окном постепенно стемнело. Глянув на часы, Сергей заторопился в Москву:

– Мне бы еще машину неплохо вернуть было! – объяснил он.

– Ну, пора – значит пора! – развел руками хозяин, – Давай, Сережа, я тебя вместе с Эдиком с собакой своей напоследок познакомлю. Днем он у меня обычно на привязи сидит, а на ночь я его отпускаю. Но своих он отлично помнит и трогать не станет.

Все трое вышли на улицу и Владимир Иванович подвел друзей к основательной собачьей будке, возле которой стоял и внимательно рассматривал новых людей рослый кобель восточно-европейской овчарки.

– Свои, Гром, свои! – произнес хозяин, приобняв обоих парней за плечи.

Пес принялся, посмотрел на Эдика, затем перевел взгляд на Сергея и застыл, покачивая лобастой головой. Потом, что-то для себя решив, он выдохнул и спокойно сел возле будки.

– Вот и все, Гром вас признал, теперь можете ходить здесь сколько угодно, – сказал Владимир Иванович, немного удивленный реакцией пса.

Попрощавшись со стариком, Сергей пошел вместе с Эдиком, решившим проводить друга до машины.

– Так, теперь – самое главное! – произнес Сергей, вручая другу темную бутылку, лежавшую до того в бардачке машины.

– Коньяк? – удивился Эдик, – «Белый аист»? А почему это – главное?

– Ну как же, зима, безлюдные ледяные просторы, помощи ждать неоткуда. Обязательно нужно! – он расхохотался, – Да я не об этом! Теперь – серьезно. Если что случится, звони мне

сразу на работу, телефон ты знаешь. Твое кодовое имя будет «Отшельник». О тебе там в курсе, так что найдут меня сразу.

– Кто я? Ну ты и придумал! Надеюсь, мне это делать не придется, лучше ты сам сюда с лыжами приезжай. И напарника своего приглашай, как его – Юра?

– Да, Юра Звонарев. В общем – давай, звони даже просто так, чтобы я знал, что у тебя тут все в порядке! – Сергей хлопнул друга по плечу и полез в машину.

Мотор пару раз чихнул и завелся. Слегка пробуксовав на снегу, машина тронулась и скоро исчезла в конце темной улицы.

– Позвоню, конечно, только что здесь может случиться? Тишь да гладь...

Поежившись от вечернего морозца, Эдик запер калитку и пошел в дом. На крыльце он обернулся, вдыхая чистый холодный воздух. Поселок замер, погруженный в тишину, под засыпанными снегом соснами и елями. Лишь где-то высоко в небе ветерок передвигал светлые облака, из-за которых проглядывала большая и почти идеально круглая луна.

Утро встретило москвичей небольшим морозом – несмотря на формально весенний месяц март, зима сдавать свои позиции явно не желала. Лужи от подтаявших за вчерашний день сосулек ночью замерзли, и было довольно скользко. Выпрыгнув из вагона трамвая третьего маршрута, Сергей поднял повыше воротник куртки и поспешил через дворы улицы Чернышевского на работу. До начала рабочего дня было еще десять минут, но в кабинете уже сидел пожилой лысоватый человек с внешностью бухгалтера на пенсии – его наставник, оперативник в отставке по прозвищу Старик.

– Здравствуйте, Александр Иванович! – обрадовался Сергей.

– Здравствуй, Сережа! – приподнялся ему на встречу Старик, – Как у тебя дела? Как там твой друг Эдуард?

– Да все в порядке, сейчас затишье какое-то, даже странно. А Эдика я вчера за город отвез.

– Значит, выписали его из госпиталя? И куда – в санаторий?

– Нет, на дачу к другу его дедушки по материнской линии. Врач сказал, что ему из депрессии понемногу надо выходить, а там – тихо, спокойно, воздух чистый. Сосны, снег лежит, будто весна и не начиналась. Погуляет, на лыжах покатается. Я думаю, ему там хорошо будет.

– Значит, он по-прежнему себя винит? Нельзя так, надо дальше жить, стараться, действовать! – покачал головой Старик.

– Да вот, вбил себе в голову, что все из-за него случилось. Хотя там каждый сделал столько неправильного, сколько смог, – махнул рукой Сергей, – Идиоты мы были.

– Откуда же вам было знать, что все это всерьез? Да и я ничуть не лучше был, бегал за вами и не знал, что наш «отдел мракобесия и суеверий» давно восстановлен.

– Хорошее название! – восхитился Волков, – Жаль, что нельзя его официальным сделать.

– Да, народ не поймет! – улыбнулся Старик, – А вообще, мы в тридцатых его так и называли между собой. Ладно, пойду я уже, там полковник наш кажется, пришел.

– Я тоже его голос слышал! – кивнул Сергей, провожая наставника в коридор.

Там он остановился, рассуждая, не сходить ли ему сейчас в архив, где милашка Соня легко найдет ему нужные данные. Или уточнить сперва у Юры, что он там нарыл, пока Сергей ездил с Эдиком за город?

– Здорово! Чего это ты тут торчишь посреди коридора? – вывел его из задумчивости подошедший Юра Звонарев.

– Привет! Да вот думаю, с кого начать – с тебя или Сони?

– Это, смотря что ты начать собрался, а то прямо пугаешь такими фразами.

– Я хотел посмотреть, как связана известная нам деятельность группы «серого человека» с появлениями копий Книги в разных местах. Потом вспомнил, что ты вчера ездил на очередное происшествие.

– А, ты об этом! Да, еще одна копия Книги, немного отличается, но суть та же. На этот раз ее практически подбросили школьникам, ученикам старших классов. Но там один болтливый оказался, расхвастался всем, кому мог, что у них запрещенная книга есть, только они ее никому не покажут. В общем, я успел раньше, чем они что-то оттуда попробовали.

– Что-нибудь еще видел? Картины какие-нибудь? – жадно спросил Сергей.

– Не-а. Там же не было никакого колдунства, откуда картинам взяться? Так, одни ощущения. И они тебя, как мне кажется, разочаруют.

– Это почему?

– Потому, что во мне крепнет уверенность, что распространители «бесовских Книг» и группа «серого человека» – это совсем разные люди, несмотря на схожесть методов. А вот кто они, эти книжники?

Юра широко развел руками, ухитрившись зацепить проходившую мимо незнакомую рыжую девушку, старательно несшую пирамиду из картонных папок. Девушка отшатнулась, но было поздно – выбитые из рук могучим ударом папки, словно салют, разлетелись в разные стороны.

– Простите! – воскликнул Юра, нагибаясь, чтобы поднять с пола документы, и чуть не столкнулся лбом с одновременно наклонившейся девушкой.

– Ой!

– Похоже, вы нашли друг друга! – прокомментировал наблюдавший со стороны Сергей.

– Лучше помог бы! – сконфуженно пробурчал Юра, подавая девушке злополучные папки, – Вот, возьмите, пожалуйста!

– Ничего, бывает! – девушка слегка улыбнулась, разглядывая молодых людей яркими зелеными глазами.

– Я вас, кажется, раньше не видел, вы новенькая? – неуверенно спросил Юра.

– Да, первый день сегодня. Вот, получила материалы для изучения! – она слегка потрясла папками, – А вы?

– Да уже пару лет, – Юра с Сергеем переглянулись, – Оперативники отдела: Юрий Звонарев, ясновидящий и Сергей Волков, ликантроп.

– Вот даже как... Девушка задумчиво обвела их взглядом, – Марина Фотиева, эксперт по дистанционному воздействию на сознание или как это правильно называется...

– Правильно называется – ведьма! – авторитетно заявил подошедший к ним Александр Филькин, – Рыжая зеленоглазая ведьма. Смотрите, околдует!

– Тогда уж, Баба-Яга! – издевательски поправила Марина, – Сейчас сварю и съем. Или поджарю, не решила еще!

– Ну ладно, у меня тут дел полно! – вдруг заспешил Александр, – Я побежал! Пока-пока!

– А вы ведь действительно людьми управлять можете... – произнес Сергей, внимательно глядя на нее.

– А то! Особенно – мужчинами, как луноходом! – она изобразила движение руками, будто двигала рычаги, и вдруг рассмеялась: – Не волнуйтесь, мальчики! Не буду я никого привораживать. Мой мужчина будет сильным, а в куклы я еще в детстве наигралась!

Помахав им кончиками пальцев и сверкнув зелеными глазищами напоследок, ведьма удалилась. Юра смотрел ей вслед с разинутым ртом.

– Пропал парень! – сокрушенно покачал головой Сергей.

Эдик проснулся, и какое-то время лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к своим ощущениям. Тепло, легко дышится. И такая удивительная тишина. Легко вскочив с кровати, он

потянулся, разминая руки и ноги. Надо же, как хорошо сегодня спалось! Вот, что значит настоящее человеческое жилище, а не те казенные помещения, где он провел последние месяцы своей жизни. Просыпаешься с хорошим настроением, и вокруг все так уютно и славно! Средних размеров комната с потемневшими деревянными стенами, свисающая на проводе широкая лампа с тряпичным абажуром. Кровать с пружинной сеткой, платяной шкаф и стол около окна. Книг в комнате нет, зато они есть в большущем шкафу, в кабинете, где работает Владимир Иванович. Кстати, а где он сам-то? В доме не слышно никакого движения. Спит еще? Эдик прислушался и выглянул в окно: точно, скрип снега под ногами принадлежал почтенному хозяину дома, который нес миску с кашей приплясывающему от нетерпения псу. Наскоро одевшись, Эдик выбежал на улицу, помахал приветственно рукой и помчался к деревянному туалету в углу участка.

Вернувшись, он умылся, позавтракал вместе с Владимиром Ивановичем яичницей с привезенной вчера колбасой. Затем он накачал из скрипучей колонки два ведра воды и принес их в дом. Вопрос, чем помочь еще, привел старика в некоторое замешательство – пользоваться посторонней помощью тот явно отвык. Тогда, поменяв свое городское пальто на полученный от хозяина бушлат, он по собственной инициативе взял снеговую лопату и отправился чистить дорожки.

На улице стояло мартовское утро, с ночи еще чувствовался морозец, хотя погода хмурилась и явно собиралась сменить холод на тепло. Снег был плотным и тяжелым, каким он обычно и становится к концу зимы, но Эдику было даже приятно помахать лопатой на свежем воздухе – отвыкшие мышцы ныли, но его лишь радовало это забытое ощущение жизни. Так, понемногу продвигаясь по участку, он расчистил дорогу к въезду на участок – теперь будет, куда Сереге машину поставить, если на ней приедет. Затем двинулся к кирпичному строению, оплетенному высохшим по зиме вьюном – гаражу, если судить по большим запертым воротам. Заглянув в запыленное окошко в боковой стене, он убедился в своей правоте: внутри горбилась покатою крышей темно-коричневая «Победа».

«Надо же, какой раритет, – подумал Эдик, – Интересно, она еще на ходу? Надо Владимира Ивановича спросить...»

Так, без особой спешки он провозился во дворе до самого обеда, на который получил суп из рыбной консервы и макарон с жареной печенкой. После обеда Эдик собрался было отдохнуть с какой-нибудь книжкой из библиотеки хозяина, но услышал, как старик на кухне сетует на недостаток хлеба в доме и явно собирается идти за ним в магазин. Конечно, он тут же вскочил и предложил прогуляться сам – для книжек еще целый вечер впереди! Владимир Иванович хмыкнул, но вручил Эдику хозяйственную сумку и объяснил дорогу, выразив надежду, что тот не заблудится в пустом поселке, где и спросить-то некого. Но молодому парню эти опасения показались излишними – день же, светло, и он отправился, весело насвистывая, в путь.

Идти, как оказалось, нужно было по той самой улице Стальского, а потом, когда она выведет к другой улице, очень большой и широкой, свернуть налево – там и будет местная продуктовая лавка. Он и шел, разглядывая уснувшие зимним сном дома под снегом, и представляя, как все это будет выглядеть летом. Зелень, цветы, дети на великах носятся, бабки им вслед что-нибудь кричат... Наверняка тут и купаться где-то можно, нужно у Владимира Ивановича спросить, а потом летом приехать – место Эдику понравилось. Кстати, надо заодно узнать, кто же такой этот Стальский? Опять забыл спросить, а ведь старик знает наверняка.

Улица уперлась в изогнувшееся под небольшим углом шоссе, по которому тотчас проехал обычный бело-синий пригородный автобус «Львив», а с другой стороны скромно притулился искомый магазин – небольшой домик с надписью «Продукты». Купив два батона белого хлеба, Эдик подумал, и прибавил к ним пару пачек пельменей с красной ложкой на упаковке и творог в бумажной обертке для сырников. Ничего особо интересного он больше не обнаружил, да и запас какой-то в доме еще был, так что, расплатившись, он пошел обратно. На улице

было заметно теплее, чем утром, хотя одновременно и пасмурнее, даже как-то потемнело, хотя зайти солнце должно было только часам к семи.

Эдик шел обратно по улице Стальского, думая на этот раз о чем-то своем, когда почувствовал, как ему немного сдавило голову. Уши на мгновение заложило, но тут же отпустило, оставив в них слабый затихающий звон.

«Давление меняется, что ли? – подумал Эдик, – Что-то раньше со мной такого не бывало!»

– Чшшшшсссс...

Эдик вздрогнул и оглянулся. Никого и ничего рядом нет, совершенно пустой перекресток, на котором ему надо было свернуть к дому. Только вдаль виден силуэт какой-то девушки в черном пальто, красной шапочке и шарфе. Из-под шапочки выбивались темные волнистые волосы. Надо же, задумался, и даже не заметил ее сначала! Эдик моргнул, приглядываясь, но девушки уже не было. Свернула к какой-то даче? Или там уже следующий перекресток? Ладно, буду гулять – наверняка еще встречу, если она тут живет. Кивнув сам себе, Эдик повернул на свою улицу и пошел к дому.

Вечерело. Удобно устроившийся в старом кресле и приспособивший рядом торшер Эдик читал найденную в хозяйском шкафу книгу Александра Беляева и был вполне доволен жизнью. Владимир Иванович пропадал в своем кабинете, работая над какой-то монографией, сидя за массивным письменным столом под картой железных дорог СССР. Эдик знал, что его дедушка занимался тоже чем-то связанным с паровозами, а потом остался в блокадном Ленинграде помогать с организацией оборонной промышленности, где и погиб во время бомбежки в 43-м году. Мама что-то рассказывала, но она сама тогда была подростком, и взрослые дела ее интересовали мало.

Наконец, в кабинете скрипнуло кресло, и Владимир Иванович показался в дверях.

– Ну, что? Не проголодался еще? Предлагаю на ужин картошки пожарить!

– Всегда готов! – подскочил Эдик, – Чем помочь? Могу в подвал за ней сходить!

– На кухне есть еще немного... Хотя, на двоих не хватит, конечно! – задумчиво ответил Владимир Иванович, – Пожалуй, стоит еще принести.

Оба вышли в прихожую, где Эдик поднял тяжелую крышку в полу, откинув ее к стене. Крышка встала почти вертикально, но держалась хорошо и падать явно не собиралась. Владимир Иванович щелкнул выключателем на стене рядом с люком, и в подполе загорелась лампочка, осветив уходящую вниз лестницу.

– Справишься сам? – спросил старик, протягивая Эдику пыльную корзину для картошки, – А я пока чайник на плите подогрею.

Взяв в одну руку корзину и опираясь другой, Эдик полез по лестнице вниз. Владимир Иванович заглянул в люк еще раз, убедился, что все в порядке и ушел.

Спустившись вниз, Эдик окинул взглядом подвал, оказавшийся довольно большим, несколько шагов в каждую сторону точно. Крепкая лестница упиралась в цементный пол, сверху нависали балки с плотно пригнанными досками. У стены стоял целый стеллаж со стеклянными банками варений и солений, а дальше виднелась большая загородка из досок, где хранилась картошка. Наклонившись, Эдик набрал клубней в корзину и повернулся к выходу.

Ему кажется, или в подвале настолько холодно? Крышка люка внезапно с тяжелым звуком упала, закрывая выход наружу, лампочка, жалобно звякнув, погасла, и Эдик оказался в полной темноте. Вытянув руку вперед, он пару раз моргнул, прогоняя из глаз цветные пятна. Нет, ничего не видно, никаких щелей не светится. Не страшно, там впереди лестница, нужно сделать всего пару шагов. Пару шагов... Пару шагов... Лестницы не было. Эдик потыкал рукой в разные стороны, но не нащупал ничего, кроме пустоты. Казалось, что он стоит среди ледяного пространства, в котором не осталось даже памяти о том, что где-то еще есть тепло и свет. Только холод, тьма и чье-то голодное внимание рядом, совсем рядом...

Люк заскрипел, открываясь, и в нем появилось обеспокоенное лицо Владимира Ивановича.

– Эдик, ты где? Что случилось? Крышка захлопнулась? Это бывает иногда, сам не пойму, в чем причина. А чего ты в темноте?

– Наверно лампочка перегорела... – просипел Эдик и закашлялся, – Сейчас вылезу...
Подав корзинку с картошкой, он выполз наружу и сел на пол, мотая головой.

– Ты что-то бледный совсем. Испугался? У тебя не клаустрофобия, случайно? Ты бы сказал сразу! – продолжал спрашивать Владимир Иванович.

– Не, все нормально. В темноте об лестницу стукнулся! – соврал Эдик, которому было жутко стыдно.

Надо же, стоило оказаться в темноте, а он уже себе что-то навоображал! Сейчас он поможет чистить картошку, а после ужина спустится туда еще раз и заменит лампочку, вот! А то, стоит посреди подвала с корзинкой, как Красная Шапочка посреди леса и трясется. Стыдобища-то какая!

За ужином он окончательно успокоился, и даже начал рассказывать какие-то студенческие истории, постоянно сбиваясь на Серегины приколы, чем насмешил хозяина, кивавшего в ответ с веселым одобрением, видимо сам когда-то таким же был. Доев и вымыв тарелки, он устроился снова с книгой, а Владимир Иванович сходил на двор, вернулся с собачьей миской и начал накладывать в нее кашу. Положив собаке вечернюю порцию, он вышел на крыльцо, под валенками заскрипел снег. И в то же мгновение откуда-то донесся полный ужаса крик.

Эдик сам не понял, как он оказался на крыльце. Темно, небо затянуто облаками. Сад тонет во мгле, видны лишь освещенные лампочкой на крыльце Владимир Иванович с миской в руках, да вытянувшийся в струну напряженный Гром. Крик повторился, но голос был уже другой, неизменным остался только сквозившая в нем дикая паника.

– Где это? – спросил Эдик.

– Где-то там... – неопределенно ответил Владимир Иванович, напряженно вглядываясь в темноту.

– Кто там живет?

– Да вроде бы никого. Сейчас в поселке вообще людей почти что нет.

Крик раздался снова, немного с другой стороны, словно кто-то кричал, убегая прочь. Теперь в нем явно слышались какие-то слова.

– Я схожу, посмотрю что там! – дернулся Эдик.

– Подожди! – Владимир Иванович схватил его за свитер, удерживая на месте, – Раздетый побежал? И вообще, хочешь, чтобы и с тобой что-нибудь случилось?

– Там же кто-то на помощь звал! – не сдавался парень.

– И что? Ты же даже милицию не вызовешь, потому что не знаешь, где искать телефон. А вот попасть в утренние сводки происшествий – это запросто!

Эдик молча кивнул, хотя внутренне его все равно трясло от желания что-то делать, все равно что. Так прошло полчаса, в течение которых ничего не происходило, а потом где-то вдали среди деревьев замелькал синий огонек милицейской машины.

– Ну ладно, сходи! – сжалился Владимир Иванович, – Только очень осторожно!

Схватив шапку и шарф, Эдик припустился по улице, ориентируясь по синему мерцанию и поднявшемуся где-то невдалеке шуму. Источник суматохи обнаружился через две улицы – около висевшей на одной петле калитки стояла милицейская «таблетка» с включенным маяком, а вглубь участка вела основательно протоптанная тропинка в снегу. Видно было, что Эдик вслед за милицией успел сюда отнюдь не первым из соседей. Пройдя внутрь, он обнаружил прислоненную к двухэтажной даче с мансардой длинную деревянную лестницу, упирающуюся в стену прямо под окном второго этажа. Рядом стояло несколько человек в гражданском и трое милиционеров. Старший из них, усатый дядька, держал за шкирку подвывающего пухлого

парнишку в телогрейке, рукавом которой тот утирал обильно текущие сопли и слезы. Шапки на парне не было, и волосы буквально стояли дыбом, уже застывшие от морозца.

– Ну, что тут произошло? – усатый милиционер потрянул своего пленника, на что тот гнусаво завыл и зарыдал еще сильнее:

– Чудовище! Чудовище Петьку убило! Дядя Толя, как же это? Уууу...

– Да что ты несешь-то? Ты пьян, что ли? – милиционер принялся, – Вроде нет... Собирайся и рассказывай, давай! Что вам вообще у капитана понадобилось, а?

– Петька сказал, давай к капитану залезем! Я не хотел, а он все равно полез! Тут внизу закрыто все, а сверху – нет! Он по лестнице и полез...

– А лестницу где взяли? – уточнил один из милиционеров, – Вдвоем ведь где-то сперли, а?

– Вон там взяли! – грязный палец указал на сарай, – Петька в окно влез, а там – чудовище! Оно Петьку убило-о!

– Какое еще чудовище... Ну-ка, Егор, загляни туда внутрь, что там вообще произошло?

– Ой, не надо! – взвыл парень, – Вдруг оно еще там?

Глянув на него, молодой милиционер на всякий случай все же вытащил свой пистолет, передернул затвор и полез по лестнице наверх. Заглянув в окно, он крикнул:

– Не видно ни черта, дайте фонарь!

Приняв от коллег большой красно-белый фонарь, светивший как маленький прожектор, он снова заглянул внутрь, водя лучом туда-сюда.

– Ой, блин! – милиционер отшатнулся, чуть не свалившись с лестницы.

Парень внизу взвыл и закрылся рукавом.

– Что там? – участковый схватился за кобуру.

– Ох... Да манекен это. Детишки баловались, наверно. Так размалевали, что я чуть не...

Гм...

– А где друг этого фантазера?

– Не знаю, не видно пока! – милиционер перевалился через край окна и скрылся в комнате.

– Ну что, наверно сбежал твой друг, пока ты от страха орал! – усмехнулся усатый.

На втором этаже послышалась возня, затем в окне показалась бледное лицо милиционера.

– Здесь он. В таком виде, что... – он судорожно сглотнул.

– Я же говорил, говорил! – снова зарыдал парнишка, – Петька-а...

– Так! – участковый обернулся к притихшим соседям, – Что вы тут столпились? Вам тут что, цирк с конями? Вот вы, например, что тут делаете? – его палец обличительно указал на Эдика.

– Я сосед, на крики прибежал! – неуверенно ответил шокированный происходящим Эдик, к которому словно вернулся весь пережитый ужас.

– Что-то я не видел вас раньше, сосед! Где вы живете?

– Тут рядом, на Березовом, профессора Данилова знаете?

– А, Владимир Иванович, железнодорожник? Знаю! – смягчился участковый, – В общем, граждане, расходитесь, и не болтайте попусту. Вы люди взрослые, всё сами понимаете!

Вернувшись к машине, участковый затолкнул парнишку в заднее отделение, а сам взялся за рацию. Соседи, тихо шушукаясь, начали расходиться. Эдик тоже отправился домой, поминутно оглядываясь по сторонам. Увиденное его сильно напугало, будто вернув то время, когда начали действовать заклятия Книги. Ужасное ощущение неправильности происходящего и полной невозможности хоть что-то исправить...

Вернувшись, он сбивчиво рассказал о том, что увидел, Владимиру Ивановичу, который ужаснулся, но явно ничего не понял. Ночь прошла в постоянных метаниях: Эдик засыпал, про-

сыпался, пытался понять, где он находится, засыпал и просыпался снова... Едва дождавшись утра, он добежал до здания, где размещалось правление поселка, набрал номер и произнес в трубку:

– Здравствуйте, кодовое имя «Отшельник». Соедините меня с Сергеем Волковым.

Глава 2

Эдик уже допивал кофе, неторопливо поглядывая на часы, когда с улицы просигналила машина: оперативники приехали. Выскочив на крыльцо, он увидел знакомые светло-зеленые Жигули, возле которых уже стоял Серега, а с пассажирского места вылезал его напарник, Юра Звонарев – высокий черноволосый парень. Эдик видел Юру до этого только мельком – когда они вместе заезжали его проведать в госпиталь, и сейчас только впервые заметил, насколько Серега и Юра подходят друг к другу – оба высокие, спортивные, даже черты лица чем-то похожи, только волосы разные. У Сереги светлые волосы как обычно торчат после шапки дыбом, а у Юры так и остались аккуратно зачесаны набок. Кого же они ему так напомнили в этот момент? А, потом...

– Владимир Иванович, там ребята приехали, я к ним! – крикнул он в дом, не дожидаясь ответа, схватил пальто, шапку и шарф и побежал к калитке.

Поздоровавшись с друзьями, он наскоро пересказал им все, что успел увидеть, стараясь ничего не упустить – неизвестно же, что окажется в таком деле важным. Его терпеливо выслушали, хоть он и сбивался несколько раз и начинал заново, причем смеяться, чего он очень боялся, никто не стал.

– Чудовище, говоришь... – задумчиво протянул Юра, – Ну давай съездим туда, посмотрим, что там за чудовище.

– Так мне с вами? – не понял Эдик.

– А с кем? Кто нам тут все покажет? – удивился Сергей, – Да и специалиста по некоторым вопросам у нас нет, если не считать таковым тебя.

– Э-ммм...

Эдик совершенно не считал себя специалистом в паранормальных явлениях, а мысль о том, что он столкнется заново с какой-нибудь очередной, не желающей мириться со своей смертью «Верочкой» – так просто повергала его в ужас. И вообще, он сюда отдыхать и выздороветь приехал, а не по логовам чудовищ шариться! Все это он и собирался категорически заявить Сереге, но вместо этого почему-то лишь кивнул головой в ответ и полез на заднее сиденье, удивляясь самому себе.

– Вот, узнаю прежнего Эдика! – довольно прокомментировал Сергей, заводя машину.

Юра устроился рядом, машинально накинул ремень, и они поехали навстречу чудовищам.

Так, буквально через пару минут, они остановились возле дачи капитана дальнего плавания, выглядевшей утром совершенно обычно и совсем не страшно. О ночном происшествии напоминали лишь протоптанная дорожка к сорванной с петель криво висевшей калитке, да заткнутое картонкой окно на втором этаже. Аккуратно приоткрыв калитку, Сергей прошел вперед, дошел до дачи и задумчиво уставился на выбитое окно. Лестницу куда-то унесли, и заглянуть туда теперь не было никакой возможности. Присоединившийся к нему Юра остановился, будто прислушиваясь к чему-то, потом даже закрыл глаза, но тут же открыл и разочарованно пожал плечами.

– Ничего? – переспросил его Сергей.

– Здесь – ничего, – подтвердил Юра, – Так тут ничего и не должно было быть, кажется? Нам бы внутрь попасть.

«О чем это они?» – не понял Эдик.

– Тогда давайте поедem участкового искать, а заодно и свидетеля единственного допросим! – решил Сергей, – Эдик, у тебя есть, что добавить? Ничего тут не видишь интересного?

– Нет, не вижу! – он хотел добавить еще, что искренне этому рад, что не видит, но в последний момент не стал. Если они думают, что он им зачем-то нужен, то кто он такой, чтобы портить им с утра настроение?

Выехав на шоссе, словно состоящее из поворотов, машина быстро довезла их до станции Малаховка, где в синем дощатом домике с надписью «Милиция» и должен был, скорее всего, найтись участковый, отвечающий за поселок.

– Не подскажите, где нам найти участкового, усатый такой, Анатолий... Эээ... – вежливо спросил Сергей вышедшего на крыльцо с сигаретой молодого милиционера с тремя полосками сержанта на погонах.

– Смирнов? Анатолий Степаныч? Здесь он! А зачем он вам? – уставился на него милиционер.

– Котика пропавшего ищем! – беззаботно ответил Сергей, входя в здание.

Внутри ему уже пришлось предъявить удостоверение дежурному, который тут же нашел и вызвал капитана Смирнова. Вышедший к ним усач сперва скользнул взглядом по Эдику, сразу узнав его, а потом обернулся к Сергею, сочтя его старшим:

– Здравствуйте, товарищи! Что вас интересует?

– Волков, Звонарев. Госбезопасность, – представились Сергей и Юра, показывая удостоверения, – Интересует вчерашнее убийство, на которое вы выезжали.

– А ... товарищ? – поинтересовался милиционер, кивая на Эдика.

– Простите, не представил! – обернулся Сергей, – Эдуард Альтшулер, наш эксперт. Сейчас он формально на отдыхе, но вы же понимаете...

– Понимаю! – согласился участковый, – Покой нам только снится. Не понял только, что в этом случае вас заинтересовало: подросток залез в чужую дачу, ничего не украл, наткнулся в темноте на колюще-режущие предметы. Жаль пацана, но такие случаи сплошь и рядом бывают.

– Это официальное заключение? Дело уже раскрыли? Так быстро?

– Нет, предварительное... – неохотно признался Смирнов, – Но вряд ли оно изменится. Следов другого человека там не обнаружено.

– А чудовища? – невинно поинтересовался Юра, – Чудовища следов не обнаружено?

– Чего? Какого еще... – участковый перевел взгляд на Эдика, нахмурился и буркнул: – А, ну да...

– Чудовища вида ужасного, о котором говорил свидетель? – поторопил его Сергей, – Ничего странного не нашли в доме?

– Ну, вы понимаете... – Анатолий Степаныч замялся, – Свидетель-то очень ненадежный. Андрей только с виду взрослый, а на деле... Малахольный он, в общем. Парень неплохой, но очень внушаемый и верит во все, что ни скажут. Он бы в жизни никуда не полез, я уверен, если бы Петька Солодкин, дружок его, вечно с толку не сбивал. Я надеялся, что они оба скоро в армию пойдут, где из одного дурь выбьют, а другой наоборот, поумнеет. А оно вон, как вышло!

– Петр Солодкин – это убитый, я правильно понял? – Юра черкнул в блокноте, А как фамилия свидетеля, Андрея?

– Тюрин его фамилия. Только вы от него вряд ли что-то узнаете, в доме он не был, как мы выяснили, а потом только бежал и орал как резаный, чтобы милицию вызвали. Разве что в штаны не наложил с перепуга.

– Так, где мы с ним можем побеседовать? – уточнил Сергей, – Он дома?

– В Люберецком ИВС... – нехотя признал участковый.

– Почему? Вы же говорите, что он всего лишь свидетель, да и то никакой?

– Следователь Буев решил иначе, постановил, что нельзя его просто так отпускать.

– Ага... Следователя надо искать по тому же адресу, насколько я понимаю? А владельца дачи, капитана, у вас есть телефон? Или мне лучше у следователя спросить?

– Так капитан сейчас наверняка у следователя! – оживился участковый, – Ночью Був с ним разговаривать не стал, на утро вызвал!

– Вот как! – усмехнулся Сергей, – Значит, у нас есть шанс застать всех троих разом, не катаясь по всему Люберецкому району! Благодарим вас, товарищ капитан! По коням, ребята!

Сергей снова завел машину, и они поехали. Эдик, который никогда не был в этих местах, с интересом крутил головой, рассматривая правую, городскую часть Малаховки. Большой кинотеатр «Союз», рынок, полупустой по зимнему времени, длинная вывеска магазина «Мото-Вело-Спорт-Запчасти», серые высокие дома. Дальше пошли уже дома частные, сменившиеся дачами, а слева мелькнула замерзшая гладь Малаховского озера. Около Электропоселка они выехали на Быковское шоссе и помчались в сторону Люберец.

Покрутившись возле станции «Мальчики», где по однопутейке ходила старая короткая электричка, они нашли наконец-то вытянутое кирпичное здание изолятора временного содержания.

– Ну, и где тут Волобуев, карающий меч правосудия? – поинтересовался Юра, вспомнив известный анекдот.

– Волобуев в театре, а здесь – просто Був, – поправил его Сергей, – Где-то наверху, если я ничего не путаю. Тут сам изолятор внизу, а выше – следователи, дознаватели. Я тут всего раз был, стажером, и то – зашли и вышли.

Обнаружившийся на втором этаже следователь Був оказался плотным невысоким живчиком с ежиком волос пепельного цвета. В настоящий момент он беседовал с пожилым мужчиной, по выправке которого и аккуратной бороде со стопроцентной вероятностью угадывался капитан.

– Извините, но вы не видите, что я занят? Подождите в коридоре, граждане! – сходу поприветствовал их Був, показав рукой, куда они должны идти.

– Ничего, мы не сильно ваше время займем! – хмыкнул Сергей, демонстрируя удостоверение, – Госбезопасность!

– А... В чем дело, товарищи? – сбавил обороты следователь.

– Вы ведете дело по убийству, произошедшему при ограблении дачи в Малаховке прошлой ночью, я не ошибаюсь?

– Что вы, что вы! – замахал руками Був, – Там не было никакого убийства и ограбления! Несчастный случай при самовольном проникновении, вот и все! Хозяин дачи никаких претензий тоже не выдвигает, ведь так?

Его собеседник согласно кивнул головой, внимательно глядя на вошедших.

– А за что тогда задержали Андрея Тюрина, если ничего не было? – удивился Юра.

– Ну, а как же? – удивился следователь, – Что еще с ним было делать? Не отпускать же?

– Понятно. Ну, раз все здесь, нам бы хотелось выслушать версии присутствующих, включая Андрея Тюрина. И особенно – побеседовать с хозяином дачи. Это ведь вы, я не ошибся? – обратился Сергей к пожилому человеку.

– Да, хозяин дачи – это я! Разрешите представиться: Ковалев, Николай Георгиевич, капитан дальнего плавания в отставке! – он привстал и вежливо кивнул всем трем.

– Вот и отлично! Товарищ Був, вызовите сейчас гражданина Тюрина на допрос, пожалуйста, а пока он будет идти, расскажите нам о ночном происшествии. А Николай Георгиевич пока отдохнет от разговоров.

– Да, конечно! – понятно кивнув, капитан дальнего плавания вышел в коридор.

Ошарашенный следователь набрал номер внутреннего телефона, распорядился насчет допроса задержанного и выжидающе уставился на оперативников.

– Начинайте, пожалуйста! – предложил ему Юра, раскрывая блокнот.

– Ну, вот! – Був потеревил тощую папку с надписью «Дело № ...», – Насколько мне удалось установить, вчера, примерно в 10 часов вечера, несовершеннолетние Солодкин и Тюрин

предприняли попытку проникновения в дачу гражданина Ковалева. Собственно, залез один Солодкин, Тюрин только лестницу внизу держал.

– Почему вы так считаете? – сразу уточнил Сергей.

– Увидите его – поймете. Этот тюфяк в узкое окошко никогда в жизни бы пролезть не смог, не ободравшись! – следователь вздохнул, – Так что, не было его там.

«Ему жалко, что нельзя на второго убийство свалить, что ли? – поразился Эдик, – Но тогда бы он тоже не уцелел! Правда, следователь этого не знает...»

– В общем, Петр Солодкин, забравшийся в комнату на втором этаже, наткнулся в темноте на манекена, испугался, шарахнулся в сторону и наткнулся на стоящее на подставке оружие аборигенов Латинской Америки. Оружие признано сувенирным, хотя я бы так не сказал.

– А что за оружие? – заинтересовался Эдик.

– Копья какие-то зазубренные, ножи типа мачете. Эксперт говорит, что это сделано для туристов из дерьма, но раны получились просто жуткие.

– Есть заключение, что раны оставлены именно этим оружием? – уточнил Юра.

– Ну, а чем же еще? – удивился следователь, – Там больше и нечем! Кровь, следы одежды – все было!

– Надо же, как оно бывает! – покачал головой Сергей.

В дверь постучали, и конвоир втокнул в комнату растрепанного пухлого парнишку, которого Эдик видел вчера возле дачи. Двигался тот будто во сне, поминутно вздрагивая, и чуть не врезался в угол стола, словно его не заметив. Карман телогрейки был наполовину оторван, а на скуле наливался свежий синяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.